архиерея, украшавшего и прославлявшего родной город, как выражение патриотизма и как стремление воодушевить борющееся за национальную независимость население. Об этом говорит и Иван Хворостинин, бывший в это время воеводой в Рязани и указывающий на Феодорита как на «сообщника любви» его к родине.[19]

В лице Феодорита можно предположить заказчика рассматриваемой лицевой рукописи, тем более что ему приписывается заказ многих икон и украшений к гробнице Василия, а также заказ копии с иконы Муромской богоматери, пронесенной епископом Василием в Рязань.

Косвенное подтверждение этому можно видеть в существовании самого пространного текста «самостоятельной» редакции «Сказания», в которой, как уже говорилось, находят отражение и события «Смутного времени», и деятельность Феодорита.[20] Однако необходимо учесть, что в миниатюрах лицевой рукописи события XVII в. не нашли своего отражения. Состав рукописи, как и редакция текста, явно связываются с XVI в., что дает основание еще раз высказать предположение о возможном существовании протооригинала данного цикла миниатюр в виде лицевой рукописи грозненского времени. Тогда вполне ясным становится двойственный характер памятника, совмещающего почерк типа XVI столетия, филигрань XVII в. и стилистические особенности миниатюр, в равной мере отвечающие XVI и началу XVII столетия.

---

[19] ...во градех Резанских стратилатствующу ми доволно, тамо архиерея имея сообщника любви моея, Феодорита, суща добре украшающа престол Божия Матере, честного и славного ея Успения» (Повесть кн. Ивана Андреевича Хворостинина. — РИБ, т. 13, СПб, 1891, стр. 556).

[20] См. рукопись Псковского церковно-археологического комитета № 403 XVII в.: «Повесть, како преиде из Мурома града епископство в богоспасаемый град Переаславль рязанский» (Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 246).